

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й № 129 (4254) Суббота, 29 октября 1960 г. Цена 40 коп.



Сталь кипит!.. Сколько раз закипала она в печи сталевара Владимира Клеова, и каждый раз в эти минуты он испытывает напряженное и радостное волнение... 1000 тонн стали сверх плана решили дать стране сталевары первого мартовского цеха завода «Серп и молот» к 43-й годовщине Октября. Вот она, сталь!

Фото А. Князева

Другу, почетному нефтянику Азербайджана, неумолимо борцу за счастье советских людей, что мы с честью сдержали данное Вам слово: досрочно выполнили взятые на себя повышенные социалистические обязательства по добыче нефти...

С «большой земли» на Нефтяные Камни идет поток приветственных телеграмм. В них — поздравления с наступающим праздником Октября, государственными и, конечно, с приложением высокого звания.

В ЭТИ ПРЕДПРАЗДНИЧНЫЕ ДНИ

Поселок коммунистического труда

БАКУ. Есть на Нефтяных Камнях вышка, ставшая символом героизма и самоотверженного труда. На иррадионной доске, прикрепленной к ее основанию, высечены памятные слова: «Первая буровая мастера Михаила Каверочкина, положившая начало морскому нефтяному промыслу «Нефтяные Камни», дала нефть 7 ноября 1949 года. Так появился новый промысел «Горнянефть»; дни Октябрьских торжеств стали для нефтянников моря двойным праздником.

За минувшие годы небольшой поселок первооткрывателей превратился в благоустроенный город. На сто с лишним километров протянулись шпалеры его

стальных эстакад. Здесь, в открытом море, родилась одна из первых бригад коммунистического труда, возглавляемая Акимом Джафаровым.

Весной этого года в гости к покорителям Камней приезжал Н. С. Хрущев. Морские нефтяники присвоили ему звание: Почетный нефтяник.

И вот сейчас, в предпраздничные дни, на Нефтяные Камни пришла еще одна радостная весть: промыслу «Горнянефть» присвоено высокое звание: «предприятие коммунистического труда».

На предстоящем торжественном собрании нефтяники моря приняли письмо Н. С. Хрущева.

«Дорогой Никита Сергеевич! — говорится в письме. — Мы, нефтяники морских промыслов, с чувством большой радости сообщаем Вам, нашему близкому

друзю, что в ознаменование 43-летия Октябрьской революции мы, нефтяники моря, решили назвать свое предприятие «Горнянефть».

В канун 43-й годовщины Октября в районе работают пять строительных трестов. Строятся дома в Останкино, на проспекте Мира, в Марьиной роще, на Шереметьевской улице, в Бабушкине и Бескудьюке.

В ближайшие годы строителям предстоит снести ветхих домов общедомовую территорию в 200 тысяч квадратных метров. Их место займут широкие прямые кварталы.

Край сплошной телефонии

БАРНАУЛ. Алтайский край насчитывает сейчас 22 тысячи телевизоров. А через год Алтай станет краем сплошной телефонии.

На трассе радиорелейной линии Барнаул-Новосибирск закончено сооружение технического здания и фундаментов под 180-метровые вышки.

Пройдет еще год, и покорители целинных степей Алтая и горной тайги будут принимать телепередачи не только из Барнаула, но и из Новосибирска, а затем Свердловска и Москвы.

Степные дары

ЧАРДЖОУ. По дорогам юго-восточных Каракумов идут вереницы автомашин, груженных хлопком, шерстью, овцами. Это дары Обручевской степи, обильно лопочат войды Каракумского канала.

Колхозники Халасского, Керкинского районов освоили нынче в зоне канала большие массивы выемки пастушьих хляков. И вот получен первый урожай хлопка.

Одновременно с уборкой урожая начались и пахота новых земель.

КОГДА ТОЛКУТ ВОДУ В СТУПЕ

ПОЗВОЛЬТЕ начать не с репортажа, а с хронометража.

Каждое утро, проталкиваясь сквозь толпы гомонящих в вестибюле энкурсантов, я иду в зал заседаний Политического комитета. Здесь — оазис тишины и спокойствия. Часы показывают 10.30 — время удара предселекционного молотка, но на месте нет ни молотка, ни председателя. В стороне от пустующего стола, возле дверей, курят и беседуют делегаты социалистических стран...

Вот, для примера, хронометраж за 24 октября. 10.45. Делегаты медленно рассаживаются. Председатель г-н Корея в нерешительности: может, подождать еще? Конеч колебаниям кладет появление одного из членов делегации США. В 10.53 молоток призывает к вниманию.

— Объявляю открытым одна тысяча восемьдесят девятое заседание Первого комитета. Прежде чем открыть прения, я прошу вашего разрешения сказать несколько слов.

В зале пока пусто: места 37 делегаций. Впрочем, то и дело входят новые люди, непрерывно раскланиваясь, шуршат бумагами.

Г-н председатель тем временем благодарит за собрание — выразит свои чувства ранее ему помешала болезнь. Он благодарит вице-председателя за блестящее ведение дела в отсутствие председателя. Он благодарит затем присутствующих за усилия, проявленные в согласовании повестки дня.

В 11.06 первый оратор начинает с поздравления председателя с выздоровлением. 11.15 минут. В дверях появляется острый подбородок, а затем массивная фигура г-на Удворста — события, безусловно заслуживающее внимания, поскольку представитель США считает здесь признанным лидером «свободного мира». В 11.54 второй оратор приветствует свои поздравления председателя к ранее произнесенным и выражает радость по поводу столь быстрого восстановления здоровья г-на Корея. В 12.50 слово получает третий оратор, в 13.07 еще раз высказывается второй, в 13.16 заседание закрывается. Некоторые делегации не появлялись до самого конца.

25 октября тысяча девятостое заседание комитета открылось в 10.47, причем на местах были представители все 42 делегаций. Парламентская процедура взаимных поздравлений и благодарности ограничилась на этот раз тем, что председатель благодарил за речь, а ораторы его за то, что им была дана возможность произнести речь.

Но какой вопрос обсуждал Политический комитет? Может быть, что-то трезвостепенное? Может быть, предмет, который никого не возмущает, — бываю ведь и такие.

Нет, в повестке дня комитета — «вопрос о разоружении». Проблема разоружения. И достаточно побить здесь, среди нетеропливых людей, со вкусом, толком, растановой произносящих речи в духе лучших традиций буржуазного парламентаризма, чтобы особенно остро ощутил правоту Никиты Сергеевича Хрущева, настаивавшего на обсуждении самого жуткого вопроса современности не комитетом, а представительной сессией Генеральной Ассамблеи ООН.

Комитет работает не первый день. Выступило немало ораторов. Отчетливо определились две основные позиции. Друзья мира — за полное и всеобщее разоружение под надежным контролем. Противники разрядки международной напряженности — за бес-

Георгий КУБЛИЦКИЙ, специальный корреспондент «Литературной газеты»

полезный для дела разоружения контроль над вооружениями. Представитель Великобритании Ормси-Гор, упомянув пророка Исайю в качестве, возможно, первого апостола разоружения, решил затем прибегнуть к образному пояснению позиции Запада. Допустим, сказал он, что два человека стоят друг против друга. Оба вооружены, но договорившись о том, чтобы бросить револьверы. Однако, как удостовериться, что в их карманах нет других револьверов или ножей? Надо обыскать того и другого. Это и есть контроль.

Советский делегат В. А. Зорин привел в ответ другой пример. Он противоречив отрывок из речи Н. С. Хрущева, произнесенной минувшим летом в Австрии. Никита, Сергеевич, поясняя, что такое контроль без разоружения, без уничтожения оружия, тоже привел в пример двух человек с пистолетами в карманах, встретившихся в лесу. Будут ли они гарантированы от взаимных опасений, если да и удостовериться, что у каждого есть по пистолету? Вряд ли после такого «контроля» они будут меньше дрожать. «Лучше всего было бы, — сказал Никита Сергеевич, — если бы они, встретившись, показали друг другу пистолеты, а потом подошли бы к Дунаю и сказали друг другу: чем идти и трестись от страха, давай лучше бросим пистолеты в Дунай, и действительно бросили бы их. Совсем другое самочувствие было бы у них, потому что они знали бы, что оружия нет, и могли идти вперед спокойно».

Вот мы и стоим за такое разоружение. Советское правительство предлагает уничтожить оружие, бросить его, к примеру, в море и установить строгий контроль».

Эти образные сравнения Никита Сергеевич привел на собрании Австрийского Советского общества в Вене. Он выступил в огромном переполненном зале Хофбурга. Речь транслировалась из зала. На площадке перед дворцом собрались тысячи людей.

Вены не очень экспансивны. Но я никогда не забуду, как почти после каждой фразы в эту удивительную по простоте и ясности расказе площадь разражалась аплодисментами и одобрительными криками.

И теперь я снова забудел в его доходячивости. Нет, дипломаты слушали отрывок из речи Н. С. Хрущева с хорошим настроением, без страсти. Я говорю о публике, которая, в отличие от дипломатов, задолго до 10.30 набивается на балкон зала заседаний. Никто не аплодировал — публике это запрещено. Но на приближенных биноклем лица я видел улыбки, выражение живой заинтересованности, лукавые усмешки, быстрый обмен взглядами...

Советская делегация и делегация социалистических стран предлагают по-прежнему примерно так, как лучше всего могли бы поступить два господина, встретившиеся в лесу. Это просто, это честно, это нравится народу.

Что предлагает Запад? Может быть, свою более полную и всеобъемлющую программу разоружения? Как бы не так! Конечно, г-да Удворст и Ормси-Гор тоже говорят о разоружении, но о каком-то странном: ни точных сроков, ни точных обязательств. Оба далеко уступают пророку Исайе: тот выразился конкретнее, хотя имел в виду не базы

на чужих землях, а всего лишь примитивные мечи. Новые исаи не спешат с возвращением бывших пахарей к плугам. Они предлагают перековать на орада один меч из ста. Они говорят о прекращении производства расщепляющихся материалов для военных целей и о передаче части уже накопленных для мирного использования. Да, они готовы передать тридцать тонн обогащенного урана для мирных целей, но упорно сопротивляются советскому предложению о передаче для тех же целей всех запасов расщепляющихся материалов. Между тем США располагают такими запасами расщепляющихся материалов, что из них можно изготовить тысячи и десятки тысяч ядерных бомб.

«Мы говорим, — повторил советский делегат, — давайте уничтожим все средства доставки ядерного груза, в том числе и космические ракеты, давайте ликвидируем все военные базы на чужих территориях, причем сделаем все это на первом же этапе всеобщего и полного разоружения».

Что можно возразить на это? Прямо — ничего. Впрочем, можно объявить советские предложения пропагандой, как это делалось уже десять тысяч раз. И новоявленные пророки исаи не столько атакует советские предложения, сколько с унылым однообразием рекламируют все тот же контроль над вооружениями, почти даже не переключившись на старые свои планы. Они предлагают обыскать двух вооруженных людей, удостовериться, какое у каждого оружие, и дать таким образом возможность тому, кто хотел бы напасть первым, разведать наиболее уязвимое место другого...

Несколько дней дискуссии в Политическом комитете показали, что Запад не хочет делового, пункт за пунктом, обсуждения программы всеобщего и полного разоружения. А дни уходят — и какие дни! Один из делегатов напомнил комитету, что за каждый день бесплодных и нетеропливых прений о разоружении мир тратит на вооружение 328 миллионов долларов. За один день, пока дипломаты Запада пытаются увести комитет на путь бесконечных переговоров о технических деталях контроля, более 100 миллионов человек оторвано от мирного труда.

Беспристрастные наблюдатели приходят к выводу, что Соединенные Штаты не готовы вести действительно продуктивные переговоры о разоружении. И все чаще приходят на память слова Никиты Сергеевича о том, что если США и их союзники и дальше будут использовать обсуждение проблемы разоружения в Политическом комитете в качестве ширмы для прикрытия гоним вооружения и балансирования «на грани войны», — у нас не будет иного выбора, как прекратить свое участие в обсуждении проблемы разоружения в этом комитете.

Пока что представители Запада продолжают пользоваться ширмой. Ближайшее будущее покажет, возможны ли какие-либо позитивные сдвиги в позициях представителей Запада, заседающих в Политическом комитете. Впрочем, на последние надежды мало, очень мало...

Нью-Йорк, 28 октября. (По телеграфу).

На главном направлении

ЗАМЕТКИ ОБ УКРАИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Леонид ОВЧИЧЕНКО

ПЕРЕДО МНОГО читателю знакомы писатели украинского писателя. Я очень люблю читать такие письма — многие из них просто согрывают своей искренней любовью к литературе и глубокой нравственной переживаниями того, о чем повела та любившаяся книга. Но в данном случае обращает на себя внимание «география» читательских откликов на работу украинского литератора. О последних его книгах пишут студентки из Буховины, учительница из села на Винничине, юноша из Кировоградской области, журналист из Канады, профессор из Праги.

«Нас очень заинтересовал ваш рассказ», — говорится в письме из Ярославля. — Мы читали его коллективно в цехе в обеденный перерыв... Когда чтец начинал читать, все мы очень жалели, что там не стояло «продолжение следует». А по письму из Праги видно, как пристально следит его автор за состоянием всей современной украинской литературы.

Знакомиться с такими откликами, оценивая, признавая — и думать, как неподалеку все наши обзоры и истории литературы без учета этого живого общения книги с читателем и без возможности более подробно выложить той многосторонней, тонкой, в большей части случаев неяркой работы, которую она производит в сознании современников! Мне хочется видеть (а, возможно, и самому написать) такую историю украинской советской литературы, в которой, помимо всего прочего, было бы рассказано, например, о том, как в самые тяжелые месяцы Великой Отечественной войны всю нашу армию взволновала пьеса А. Корнейчука «Фронт» и какие разговоры, беседы, споры о ней велись в блиндажах и землянках. Или о том, что шел по немецкой земле советский солдат Андрей Ткач и после боя его подобрали мертвым, а в его ранце была пробитая пулями, залитая горячей юношеской кровью книга Ю. Яновского «Всадники». Или — что некоторые стихи А. Гаврилюка уже после его гибели удалось выжить, записав их от людей, сидевших вместе с ним в панских тюрьмах: вот такая «текстология» бывает у революционного поэта! Или — пример сходный — партизанский песенник П. Воронько в годы войны услышал своего песню в прикарпатском селе, и вопрос, кто ее сложил, гулялы ему ответили: «Мы сами». Или — как партийный руководитель в большом республиканском совещании пошутит, пошутил, серьезно угрожал «наследать» на нерадивых работников популярнейшего из сатириков, неумолимо газетчика Остапа Вишню, и это очень действовало, потому что такая «встреча» никому не улыбалась... Или — как говорили о прекрасном, о красоте пейзажа и тонких человеческих чувствованиях колхозники одной из артелей на Киевщине, обсуждая не так давно книгу стихов М. Рыльского «Голосееская осень». Я хочу, чтобы в такой истории литературы рассказано было, как золотым украинским летом льются по зачарованной Десне теплотход «Александр Довженко» и люди на нем читают книгу своего покойного земляка, — а ведь заправду льются, выправду читаются на нем книги Довженко, — и как счастлив может быть критик: «подслушав» родившиеся при этом раздумья о жизни и человеке!

Может, по таким фактам стоило бы специально вести одну из самых нитересных летописей, какую можно иметь в нашем деле, а именно: советская литература в повседневной жизни народа, в восприятии и в самом обиде читателей, во множественном своем претомлении через живые человеческие умы и сердца.

УЗНАВ, что в восемь будет полуденный отлив и что звонейшая Илья Иванович Титов будет осматривать невод на тоне Майдише, мы в пять выходим из Майды.

Жарко. Ветер — от полуденника к северу. Деревня лежит на берегу реки в пинине, отделенная от моря градой невысоких дюн — угорий, как их тут называют. Песок, торф, кочни, лакированные жесткие кусты бруслины и кустыны побольше, с узкими и серебристой изнанкой листьями — карликовая ива.

Долго поднимаемся тропой с дюны на дюну и выходим, наконец, к обрыву. А когда выходим — видим под собой широкую быструю реку с отменяемым и ровным течением, дальше влево светлые песчаные косы с вынужденным лесом, а еще дальше море — пустынное, синее и спокойное.

Отлив. Всюду слышно блестящие мелкие лужи, песок гофрированный, со следами чаек, море шипит где-то далеко, и там над чем-то вытопы чайки, присаживаются и опять взлетают.

Направо, над морем, горизонт чист и блестящий от солнца. Направо, за обрывом, песчаным берегом, километрах в тридцати отсюда, горят леса, и дым, пожелтый на облаке, медленно восходит к небу и, как и облака, имеет разные оттенки — от рыжего до голубого.

Титов — пожилой, сморщенный, худощавый, с изможденным лицом, но чем-то явно довольный, — встречает нас у своей тони. А тоня его — маленькая избушка с двух окон: одно — на море, другое — вдоль берега, на юг. Рядом с тоней избушка еще меньше — такал, что, кажется, и повернуться в ней негде. И уже под тоней избушки стоит высоко вознесенный покосившийся восьмиконечный крест, каких множество и видел по берегам Белого моря. Загадку их никак не могу разгадать и думаю сначала, что это могилы утопших и отдаленных морем в этом месте, потом — что это нечто вроде церкви (не пням же было молиться во время долгих сидений на тонях!), но Титов тут же объяснил мне дело:

Юлия КАЗАКОВ

У Белого моря

море, метрах в ста от границы песка и воды, что-то сложное, заштрихованное, многими сетями — самый невод. Нам сразу хочется и осмотреть его, но Титов зовет в дом.

— Раню еще — говорит он, радостно подмигивая, — пойдемте в избу, поговорим, побеседуем, а как вода упадет, так и самый наш час придет, никуда не денется...

ИЗБЕ чисто, хорошая печка, книги чайника, а на стол накрыта милая рыбачка, с грустной, приятной улыбкой слушает наши вопросы, ходит, прихрамывая, по избе, достает станыши, режет хлеб, усаживает нас. Зовут ее славно: Пульхерия Еремеевна Котцова. Вообще здесь в ходу имена, которых у нас и не встретишь: Андрус, Ульгана, Евлампий, Зосима...

Вот и побеседуем сейчас! — радостно говорит Титов и ставит на стол бутылку, и мы сразу понимаем причину его хорошего настроения.

— Я ее так не люблю, а вот пуншик уважаю, — говорит Титов, подражая под пуншиком воду, разведенную наполовину крепким горячим чаем. — Вы меня спрашиваете, я вам все обкажу по наше дело...

Как у вас тут ветры называют? — спрашиваю я для начала.

— А вот слушай! — Титов прихлебывает пуншик, двигается по лавке и закуряет. Кофейные глаза его радостно блестят.

— Вот скажем так, начнем с севера. Север — он так и будет север. Это ветер диний, с океана, холодный и порывистый! Дальше идет полуночник, это тебе будет северо-восток. Этот тоже диний, еще, пожалуй, похуже севера. Пойдем дальше. Дальше будет восток, восток, значит. А еще объединю — этот как бы юго-восток. Эти ветра ничего, хорошие... Дальше будет летний, южный, с гор идет, волон у нас возли берега почти не дает, этот тоже ничего. Шапюник, юго-запад, тот днем дует, поночь стихает, так и зной! Запад — он и по-нашему запад. Ну и последний ветер побережники, как бы сказать се-

вер-запад. Тот диний, холодный и взведенный большой руд, худой ветер!

Он приподнимается и долго глядит в окно на море, на невод, на садящееся солнце.

— Солнце красно с вечера, рыбаку болясь нечего, — привычно, даже робочет он. — Солнце красно поутру, рыбаку не поутру, Вот как у нас! Чего тебе еще рассказывать?

— Вот, — говорю, — у вас плакат висит о социалистическом соревновании. Но ведь рыба-то от человека не зависит? Мы сейчас сидим вот, ждем, хорошо будет рыба? А как не будет? Как же может быть соревнование?

— А очень даже замечательное! — радостно говорит Титов и прихлебывает пуншик. — Конечно, рыба не пойдит, так уж тут ничего не сделаешь. А вот, скажем, пал шапюник или там полуночник, другой рыбак нерадивый сейчас тебе невод на берег выгребет и сидит, штаны сушит. Так! Ну, а скажем, я в плане заинтересован, — вон на нашу тону пятнадцатая с половиной центнеров плана, — так мне надо обязательно перед государством выполнять. Ну, я штаны сушить не стану. А может, она, матушка, — закричал он, — может, она как раз и походит в волноту! Сам помокну, товарищи мои помокну, да вдруг и возьмем в непогоду-то самый богатый улов! Вот тебе и социалистическое соревнование. Теперь попляш!

Попляш, — говорю, — рассказки теперь про рыбу... — Про рыбу можно, — соглашается он — опять смеется в окно, даже бинокль берет. — Слушай про рыбу... Но в эту минуту снаружи раздается высокий зудящий звук, забирает все выше, как от напряжения чего-то, и смолкает.

— Ветер? — догадываемся мы. — Не должно быть, — сомневается Титов и слушает. — Это никак машина бежит... — Он выходит, настежь оставив двери, и тут же возвращается. — И впрямь ветер, — соглашается он. — Не видеть машины-то. — Хорошо, что машина у вас бежит, — говорю я.

и знает свой закон. Так чтобы по морю без толку болтаться, этого у ней нет. А идет она походами. Зимой-то у нас не ловят, и не берусь тебе сказать, как и где она зимует. А зимой леду много у берега, и тогда мы на веревочке. На то, и вывозаем в начале июня. И вот в начале июня начинаем к нам идти семга.

Ты, несешь, думаешь — семга и семга... А вот и нет! Ей много разных сортов, и по-разному она ходит. Первый поход ей начинается с начала июня, и называется она залетка — это семга крупная, сильная, жиливатая. С десятого июня и до Прокоевья дня, то есть до двадцать первого июля, идет все жемень, мелкая семга. С Прокоевья до первого спапу, то есть по-теперешнему до четырнадцатого августа, может идти, но не каждый год идет такая черная рыба. Эта уже будет другая, — семга. А со спапу и до конца октября, пока лед не появится, идет осенняя семга, самая крупная и постоянная, и это называется главным походом. Понял?

Он опять берет бинокль, смотрит пристально в окно и вдруг кричит: — Роеся рыба-ты, роеся!

Кто в сапогах, кто босиком, высыпаем мы на берег и почти бежим вдоль перемета на кольях к неводу. Солнце садится, воды по шиколокту, она вся гладкая, уснувшая, вдали только за кошками ворошатся мелкие гребешки да в неводе что-то бьется, поднимая брызги, молниеносно мечется из колья в колья.

Мы пролезаем в горло невода, и тут только замечаю я в руках Титова и Пульхерии Еремеевны толстые короткие палки и понимаю значение этих палок.

— Стойте! — кричу я. — Дайте снять, не бейте! У меня киноаппарат, вокруг меня высокой стеной сети невода, колья, заходящее солнце, море вдали, море под ногами, напряженные фигуры рыбаков в мокрých сапогах внутри невода, а в мелкой воде кругом — иппенне и плеск, и брызги в лицо. И торпильно снимаю, стараясь, чтобы брызги не попали объективу, рыбаки не выдерживают, начинают чекнуть рыбу, удаляют ее раз за разом по голове, и рыба покороно сияет, по тут же из-под сапог у них вырывается другая, и разом еще живые рыбки приходят в движение, шипение и плеск отливает невероятный, и кричат хищно, и кружат, и нервно садятся на колья над нами чайки. Оглушенную рыбу сносят и складывают на носилки и в корзину, а (Окончание на 2-й стр.)



Генеральной Ассамблеи

ЛИШЬ БЫ НЕ ЗАТЯНУЛСЯ ПЕРЕРЫВ...

Радуюсь и печалюсь

ПОМНЮ, прочел я этот рассказ и сразу же позвонил товарищу: — Слушай, ты читал в «Знамени» рассказ «Иван»? Богомолов какой-то...
Он еще не читал и фамилию автора так же, как и я, не встречал до этих пор. Я отнес ему журнал и, странное дело, волновался, пока он читал, словно это был мой рассказ.
О войне написано, прямо скажем, немало книг. И боевой мой — сколько написано о подвигах детей на войне. На этом держалась добрая половина так называемой детской литературы. И тем не менее Богомолов написал так, будто до него ничего об этом написано не было, очень свежо и очень правдиво. Это одна из характерных черт талантливого человека: умение по-своему видеть мир. Сколько бы ни рассказывали до него, казалось, о том же самом, он всегда расскажет по-своему, и это будет интересно и будет волновать.

После уже только замечаешь, что герой его рассказа мальчик Ваня Буслов никаких подвигов не совершает. Вернее, он совершает их за рамками рассказа, а читатель только узнает о них задним числом либо из чужих уст. Но так сильно, точно, правдиво написан этот мужественный характер, что не нужно никаких примеров для подтверждения. И вся атмосфера рассказа, все люди, окружающие мальчика, — необычайно чистые, цельные, мужественные. Эти люди увидены глазами очень молодого человека, нашего современника. Рассказываю о них сдержанно, с большой теплотой и душевной болью, сам он все время старается держаться в тени, и от этого только возрастает его обаяние.

По сути дела, это трагический рассказ. Многие герои его погибают, и

рел на отца расширенными заблестевшими глазами, как будто сейчас перед чужой женщиной, объяснял защищая их и отвечать за них».
А потом — больница, умирающая Настя и впервые возникшая мысль: «...сам не жил и чужую жизнь смая, загубил».
«Но никогда вроде бы и не любил Настю, но вот она умерла — и у него такое чувство, будто это умерла вся его прошлая жизнь... а он, прежний, пустой, стоял на пороге новой жизни и ничего не знал, ничего не умел». А на руках — трое детей, меньшего из которых Настя еще не успела отнять от груди. Но есть великая мудрость жизни, очень точно выраженная Твардовским в нескольких строках поэмы «Дом у дороги». Родился ребенок в плену. «В бараке на солонке» — где взрослые люди умирали, где, может быть, и мать его не выжила бы. Но

...лусет не лето, а зима, И ветвь гнет слабо, Со мной ты выживешь сама, Где выжить не могла бы.

Сейчас не война, и дети без Федора остались бы живы, недаром Настя просила отдать их в детский дом. Но Федора они, маленькие, беспомощные, нуждающиеся в заботе, сделали человеком.
С того момента, как он взял на руки плачущего сына и «сморские холодные пальчики скользнули по груди, ощутив гладкое безволосое тело и успокоились, доверчиво прижавшись, обманывая себя». Все человеческое, что было в его душе и о чем он, быть может, сам не подозревал, отозвалось на это прикосновение. А ночью, просыпаясь, «Федор вспоминал, что он весь облеплен спящими детьми, и поэтому не шевельнулся, не дернулся, только открыл глаза и соскочил их на Ванянку».

«Иван» — первый напечатанный рассказ В. Богомолова. Не все в нем одинаково сильно. Несколько вырывается из общей интонации конец, напоминающий эпизод. Он не так убедителен. Но есть сцены и образы, написанные со зрелым мастерством. Так, в частности, написан разведчик Катасонов. Ему отведено очень мало места, но он живой, его видишь и запоминаешь.

Много раз я спрашивал самых различных людей: знают ли они такого писателя — Богомолова? Нет. Но стоит назвать рассказ «Иван», и человек оживает: — Как же читал. Хороший рассказ. Не часто писателю так сразу, с первой вещи удается зайти о себе. Потом было напечатан второй рассказ Богомолова — «Первая любовь». В нем тоже очень молодые, душевно чистые люди и та же тревожная обстановка суровых дней войны и подвига. Короткий, всего страничек на шесть, рассказ, но в нем точно передано время, а между строк оставлен читателю простор для мысли и чувства. Жаль только, что и этот рассказ был напечатан около двух лет назад, а с тех пор, кажется, имя Богомолова не появлялось на страницах журналов и газет. Богомолов начал, а читатель только узнает о нем рассказы о жизни. Хочется только, чтобы не слишком затянулся этот перерыв.

«Ну ладно, — скажут, — допустим, правда, хороший рассказ. Так что за событие? Выходит не только рассказы, но повести выходят, романы». Все это правильно. Только, к сожалению, не каждый новый роман свидетельствует о том, что в литературу пришел новый писатель. А рассказы Богомолова и Ганиной с полной убедительностью говорят об этом. И это, несомненно, радостное событие.

У Ганиной есть еще рассказы, очерки, была ее написана повесть. Но я сознательно не останавливался на них, так как рассказ «Настини дети» на мой взгляд, является зрелой вещью.
Мне не приходилось встречать людей, которые, прочтя плохую книгу, ждали бы с нетерпением, когда же автор напишет следующую. Новых встреч ждущ с тем, кто успел полюбить.

Тот, кто прочел рассказы Богомолова и Ганиной, я уверен, будет искать новых встреч с этими авторами. И я пишу об этих талантливых писателях потому, что они что-то давно не печатают новых вещей. Быть может, от рассказов они перешли к повестям, романам и работают сейчас над ними. Тогда пожелаем им удачи. Но во всех случаях важно, чтобы не затянулся перерыв...

В Москве в отдельной квартире живет летчик гражданское воздушного флота Анохин. В партизанском отряде он приобрел немало верных друзей. И теперь они слетаются в его новую квартиру. Со всех концов советской земли. Кто в отпуску, кто в командировке, кто и просто так: навещать старшего товарища. И всем открыт дом Анохина — квартира в центре Москвы. У Анохина две дочери: Таня, журналистка, заканчивающая институт, и восемнадцатилетняя Маша. Таня встретила в Кремле на вечеру студентов, возвращавшихся с целины, Игоря Селиванова и влюбилась в него... Пора любви приходит и к Маше: то и дело заходит к ним позвонить по телефону сосед Алексей, но давно уже замечено, что набравает он номер при выключенном аппарате...

Анна АХМАТОВА

Из новой книги МУЗА

Как и жить мне с такой обузой, А еще называют музой, Говорят: «Она на лугу...» Говорят: «Божественный лепет...» Жестче, чем лихорадка, отретпет, И опять весь год ня гу-гу.

ИЗ «ДРУЖЕСКОГО ПОСЛАНИЯ»

И в памяти черной пошарив, найдешь До самого локтя перчатки И ночь Петербурга, и в сумраке лож Тот залп и душный, и сладкий, И ветер с залива. А там, между строк, Минья и ахи и охи, Тебе улыбнется презрительно Блок — Трагический тенор эпохи.

ЭПИГРАММА

Могла ли Биче словно Дант творить, Или Лаура жар любви восславить? Я научила женщин говорить, Но, боже, как их замолчать заставить?

ТЕНЬ

Всегда нарядней всех, всех розовой и выше, Зачем всплываешь ты со дна погбиших лет? И память хищная передо мной колыхает Прозрачный профиль твой за стеклами карет. Как спорили тогда, ты ангел или птица, Соломинкой тебя назвал поэт, Равно на всех свисав черные ресницы Дарьяльских глаз струился нежный свет. О, тень, прости меня, но ясная погода, Флюбер, боссонница и поздняя сирень Тебя, красавицу тринадцатого года, Напоминала, а мне такого рода Воспоминанья не к лицу... О, тень!

Меньше, чем рассказ

Меньше, чем рассказ Богомолова, повесть рассказу Майи Ганиной «Настини дети». Он тоже был напечатан в журнале «Знамя», а после задержался в толокне сборника рассказов «Каждому году», который мало разбирается читателями. Критика почти не заметила его, и потому скажу о нем несколько подробней. Это по-настоящему талантливый, человеческий рассказ с глубоким проникновением в психологию людей. И написан он сочно, с яркими подробностями; слышишь, как говорят эти люди, а когда они молчат, понимаешь, о чем думают они. Мне приходилось читать его дважды, в разное время, и я уверен, что для тех, кто прочтет его спустя несколько лет, рассказ не потеряет своей новизны и свежести. А это очень важная проверка — проверка временем. Федор, герой этого рассказа, женился рано, когда ему не было двадцати лет, а Настя еще только шло семнадцатилетней. И вот началась жизнь, родились дети. Федор почти не изменился — такой же, как был, парень, и мысли все холостяцкие. «Про Настю же сразу скажешь: женщина, детная». Вдумайтесь в эту короткую фразу: в ней много сказано о жизни.

Но много еще времени пройдет, пока в тайге, на охоте, старший сын впервые назовет его батей и Федор с болью и радостью в душе отметит это. А потом, прожив целую жизнь и многое переучившись, он успокоенно подумает о дочери: «Боевая будет... В обиду не дастся». Настя, душевная, тихая, к горю своему, боевой не была. Но это думает уже другой человек, мало чем похожий на прежнего Федора.

ЯКУТИЯ: ТРУДЫ И ДНИ.



Для москвичей или ижевлян, для риман или алма-тинцев олени — это, конечно, экзотика. А для этого парня-инюта олени, как видите, — колхозное стадо. Парень доволен: рогатые питомцы познали его с полуслова. Здесь брод...

«Вот и все. Как будто бы переказано содержание, а на самом деле не пере-

Озорной, всюду поселяющейся Маше и предстоит вести комедийный сюжет. Как? Дело в том, что Анохин терпеть не может Игоря. Почему? Пока неизвестно. Игорь — парень как парень. Тане обидно это. А Маше так просто не обидно. Нет, просто, это нам кажется, что ей непонятно. А на самом деле... Как-то Анохин с товарищами завели речь о партизанском комиссаре Харитонове, ставшем теперь заместителем председате-

Озорной, всюду поселяющейся Маше и предстоит вести комедийный сюжет. Как? Дело в том, что Анохин терпеть не может Игоря. Почему? Пока неизвестно. Игорь — парень как парень. Тане обидно это. А Маше так просто не обидно. Нет, просто, это нам кажется, что ей непонятно. А на самом деле... Как-то Анохин с товарищами завели речь о партизанском комиссаре Харитонове, ставшем теперь заместителем председате-

ПОЛЬСКИЕ ДРАМАТУРГИ В МОСКВЕ

На днях делегация польских драматургов, возглавляемая Леонем Кручковским и гостившая в Москве на приглашение Союза писателей СССР, была принята министром культуры СССР Е. А. Фурцевой. На встрече обсуждались проблемы развития социалистического драматургии, культурные связи между Советским Союзом и Польской Народной Республикой.
27 октября в Союзе писателей СССР был устроен прием, на котором выступили Задислав Сикорский, Ежи Литовский, Язвинек Корцелли, Вацлав Жульковский, Галина Аудачева и Алёна Лицкевич. Гостями были представители правления Союза писателей СССР Т. Абдумомунов, П. Броня, А. Салинский и А. Сурков, московские драматурги, члены жюри конкурса были затронуты вопросы драматургии.
В этот же день в Доме дружбы с народами зарубежных стран делегация польских драматургов встретилась с московскими драматургами и зрителями. Гости поделились своими творческими планами, ответили на многочисленные вопросы. После беседы был показан польский художественный фильм «Пепел и алмаз».

Дядя ДОМИНЕК

Эрне УРБАН, венгерский писатель

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома». Действие нового романа Э. Урбана разворачивается в Венгрии, в долине Дуная. По словам автора, он хотел объяснить, «что происходило в действительности весной 1959 года», когда в Венгрии крестьяне целыми селами начали вступать в сельско-хозяйственные кооперативы.

Эрне Урбан, венгерский писатель

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома». Действие нового романа Э. Урбана разворачивается в Венгрии, в долине Дуная. По словам автора, он хотел объяснить, «что происходило в действительности весной 1959 года», когда в Венгрии крестьяне целыми селами начали вступать в сельско-хозяйственные кооперативы.

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома». Действие нового романа Э. Урбана разворачивается в Венгрии, в долине Дуная. По словам автора, он хотел объяснить, «что происходило в действительности весной 1959 года», когда в Венгрии крестьяне целыми селами начали вступать в сельско-хозяйственные кооперативы.

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома». Действие нового романа Э. Урбана разворачивается в Венгрии, в долине Дуная. По словам автора, он хотел объяснить, «что происходило в действительности весной 1959 года», когда в Венгрии крестьяне целыми селами начали вступать в сельско-хозяйственные кооперативы.

Риндак поднялся с места и, волнуясь, низким голосом произнес, а вернее, проорчал, словно медведь: «Уважаемое собрание! Дорогие друзья и товарищи!

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома».

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома».

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома».

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома».

«Золотой дым» — так называется новый роман венгерского писателя Эрне Урбана, ранее печатавшийся в газете «Знамя», а сейчас — в отдельной книжке. Его автор известен советским читателям по таким произведениям, как «Трудное похищение» и «Два бочка рома».

Только теперь заметил он Керн, сидящего на первой скамейке рядом со стариком Доминеком и председателем районного Совета. В петлицу у Керн осенняя, поздняя гвоздика, большая, махровая. Сзади ткнул морщинистую, индусию шею Адам Шубок, а за ним еще целое море голов... И Риндак внезапно подумал, что здесь находится все те, кто два года назад, в тот проклятый октябрьский вечер, крича и потирая кулаками, вломился к нему в дом. Нет, сейчас он не испытывал против них злобы, но на одно мгновение все, что он делал, показалось ему бесцельным, сердце сжалось, как у испуганной птицы: весь вечер два года назад эти люди напали на него, а теперь они смотрят спокойно, молчат...
От этих мыслей, мелькнувших в голове, Риндак даже покраснел весь, будто сидище перед ним люди могли подслушать их. «Надо винить не народ», — вспомнил он услышанные от Керн слова поэта Петфи. Да, не народ, а подстрекатель, мушкетер его... И Риндак хотел было уже начать свою речь именно ссылкой на Петфи, как вдруг в первом ряду поднялась рука, и голос старого Доминьки произнес:
— Прощу слова!
По залу пробежал ропот удивления, а Риндак даже подумал, не хватил ли часом лишнего старик. Но тот, ничуть не смущаясь, снова обратился к нему:
«Не бойся, дай мне сказать еще до повестки дня. Пожи — произнес старик, поднимаясь с места и направляясь к эстраде.
— Говори!» — согласился Риндак и сел, вернее, упал на стул, заскряпавший под его тяжестью.
Старый Доминек оправил на себе пиджак, пригладил волосы и взорвался на сцену. Он остановился к краю и занавеса и говорить начал без всякого обращения, будто не стоял перед общим собранием, а сидел у своей хаты на завалинке.
— Ходят слухи, по всей округе ходят, что меня... старик покрутил седой ус, — что меня подкупили! Вот он, — показал Доминек на Керн, — первый человек районного комитета партии подкупил меня. И много денег дал. Пятьдесят

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И в каждом электричество и водопроводный кран. А хозяева этих домов...
В зале поднялся шум, говор, крики, кричи, кричи, у меня есть время, я и подождаю могу. Высокий, сухой старик, вскочив с места, пере-

тысяч форинтов, ни больше, ни меньше. А я, как Иуда, изменил своему единоличному хозяйству и пошел агитировать, что, мол, в кооперативе суший рай, и всем надо вступать в него, не раздумывая.
Большинство из присутствующих слушало старика молча, неодобрительно, — что за чушь несет старик? Куда он метит? Но сади и из углов уже слышались смехи. Дядя Доминек услышал их.
— Смешитесь, смеитесь! Попа охота есть смеяться... А ведь меня действительно купили... Да... Только вот не он, — старик опять показал на Керн, — не он купил меня.
— А кто? — раздался из задних рядов голос.
— Нет, не он подкупил меня, — спокойно продолжал старик. — Подкупил меня в сельско-хозяйственном кооперативе Дожа. И так меня подкупили, что на старости лет решил распрощаться с единоличной жизнью. Окончательно. Так этот подкуп мой и понимай надо. Как же это могло случиться? Как мог этот самый Дожа подкупить такого старого хрыча, как я? Сейчас рассказку, но начинать придется издалека... Давно я те места знаю, бывал, значит, в Тачканде еще во времена графа Зихи, бывал и после войны, в сорок восьмом году. И могу я вам сказать, что шарил в тех краях такая нищета и запустение, что даже воронам пожинаться нечем было. А теперь что там? Если фотография покажет, то подумайте — настоящий дачный поселок: ни одной старой хаты, кругом красивые особняки стоят. И

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

работников — всем этим она обязана прежде всего щедрой плодотворной почве советского строя, мудрому руководству Коммунистической партии, могучей возвышающей силе дружных народов, дружбы их братских культур.

На главном направлении

ны великой эпохой развернутого строительства коммунизма. Дело, разумеется, не в одном лишь количестве таких произведений. Но ведь и это очень важно — дружные обращения писателей к «горячему» жизненному материалу, к острой, актуальной проблематике современности!

Доказательства? Их слишком много, чтобы все упомянуть в этих заметках, да и незачем перегружать критическую статью пресловутыми «объемами». Приходится называть лишь некоторые произведения прозы и драматургии, вызвавшие наиболее живой интерес читателей и критики. Литературный киноцензор А. Довженко «Поэма о море» — произведение ярких художественных обобщений, своеобразное и масштабное, как все, что написал его автор. Известные во всей нашей стране пьесы А. Корнейчука «Крылья». Почему улыбаются звезды... и недавно вышедшая на сцену пьеса «Над Днепром», — по-прежнему актуальной, наступательной партийной мыслью, описательной открытой для читателя и зрителя ряд новых жизненных образов и конфликтов. Произведения В. Собоко — «Обыкновенная жизнь», «Покой нам только снится», «Песня под звездами» — интересны прежде всего картинами жизни современного Донбасса, образами его молодых рабочих и работниц, хотя автору иногда и приходится сделать кое-какие узоры за недостаточную глубину их художественной разработки. Новаторская по многим чертам философско-героическая драма А. Левады «Фадус и смерть», смело заглядывающая в наш завтрашний день, ставшая больше вопросов, чем ответов, науке о идеологической борьбе нашего времени. Повести В. Земляка «Родная сторона» и «Каменный Брод» — о росте людей современного колхозного села. Повесть А. Гончара «Путь горит огнем» — чинга сердечная и политическая, она учит искать и любить то внутреннее «огонек», без которого человек становится пошлым мещанином, отвратным эгоистом. Повесть И. Зарудного — «Веселка», «Мертвый бог», убедительно показывающие, что идея острота и актуальность сочетаются у их автора со все более смелым философско-психологическим углублением и изображением характеров, коллизий. Роман И. Рыбака «Время биений и свершений» о советских ученых-атомщиках — произведение с широким международным «разрезом», проникнутое идеей борьбы за мир, за гуманистическое решение проблемы атома. Романы Ю. Збанацкого «Матиновы знои» и «Перед жатвой» — во втором изображено последнее колхозное село в период, когда в его жизни произошли глубокие сдвиги и перемены. Политическая по духу повесть И. Муратова «Жизнь на свете вода», весьма определенно и остро отвечающая на вопрос, вокруг которого ныне скрещиваются мечи в журнальных диспутах, — так ли уж прост «простой человек»? Интересный, особенно во второй части, роман бывшего писателя В. Бабляка «Вишневый сад, парадный двор, несмотря на отдельные слабости, своей поэтичностью и рядом психологических, тонко выполненных сцен. Роман Н. Тихого «В дорогу выходи на рассвете», симпатичный своей честной, ничего не утаивающей правдивостью в изображении того, как входят во «взрослую» трудовую жизнь молодые герои, и остро проблемные (главным образом в плоскости этической), построенные на крепком сюжетном «напряжении» романы Н. Руденко «Ветер в лицо» и «Последняя сабля» (во втором, впрочем, довольно очевидно обнаружилась и существенная слабость, присущая творческой манере автора).

Я не пишу обзор, и поэтому не называю еще много (скажем, романы и повести В. Кучера, А. Гурова, Д. Ткача, А. Хоружего, М. Чабановского, В. Петлюваного, К. Гордиенко, А. Сизоненко, Ю. Шовкопляса, А. Колыченко, рассказы Ивана Ле. И. Сенченко, А. Гончара, Л. Первомайского, С. Журавлевича, И. Чендея, В. Антоенко-Давыдовича, Н. Шумило, П. Козланюка, пьесы В. Минко, М. Андриевича, Л. Дмитрико, Я. Ваши, И. Муратова, Н. Рядченко, книги русских прозаиков, работающих на Украине. — Н. Дубова, В. Добровольского, В. Киселева, В. Некрасова, Ю. Черногидленко, П. Чебалина, М. Тевелева и др.). А ведь все это — книги о сегодняшнем дне республики, о жизни и труде ее рабочих, колхозников, интеллигенции, молодежи.

Память о героических годах Великой Отечественной войны бу-

дет жить вена, а сегодня она особенно дорога и нужна нашим людям. Не к чему поэтому ставить вопрос — современные ли произведения, повествующие о незабываемых годах Великой Отечественной войны... Тем более, что в большинстве произведений украинских прозаиков опыт военных лет осмысливается как раз в свете современных задач и потребностей советского общества. Проза последних лет вообще очень расширила рамки художественного летописания Отечественной войны и предлагает во многих случаях такие решения темы, которые говорят об углубленном интересе к нравственному облику советского человека и духовным истокам его героизма. Именно таков роман А. Гончара «Человек и оружие», в свободных, «расходических» ритмах которого живет возлюбленная переписка двух эпох — времени тогдашнего и времени нынешнего, когда история выдвинула властное требование навсегда исключить войну из жизни человека. Современное звучание и роман Я. Ваши «Надежда», героем которого выступает рабочий коллектив «Запорожстали», в тяжелое лето 1941 года довольно длительное время работавший для нужд фронта под жестоким огнем врага. И роман П. Зарудного «Европа 45» — попытка дать своеобразную «политическую историю» Западной Европы в последний год войны (с помощью сюжета, сводящего — но без некоторой искусственности — в одну партизанскую группу представителей разных стран и разных идейных убеждений). Нет возможности подробно остановиться на интересных военных повестях В. Козаченко «Горячие руки», Ю. Збанацкого «Единая», А. Хижняка «Тамара», на романе Ю. Дольда-Михайлика «И один в поле воин».

Думается, что можно говорить о несомненных успехах украинской литературы в художественном освоении современности — успехах отнюдь не только количественных. Радует прежде всего усиление исследовательского «открытия» человека — в противовес плоской иллюстративности, которая в целом все явственнее преодолевается, хоть еще и не жидкая окончательно. Радует свежее, возлюбленное звучание писательских раздумий о жизни — радужный, воплощенный в живых человеческих образах, в сюжетах и конфликтах, в интересе поставленной и решаемой проблематике произведений. Пусть это драгоценное качество присуще далеко не всем книгам, но оно становится характерным и определяющим для литературы нашего времени, по нему так или иначе будет идти творческое «развитие».

Было время, когда кое-кому «самой модной» казалась морально-этическая проблематика, взятая лишь в одной из ее сфер — в вопросах семьи и быта (подобно тому, как некоторые под лиричной завесой пренебрежительно относились к творческому домыслу, встречающемуся у Вас, к сожалению, промахи, прямо говорящие о недоумии). Да, избалованный пример. Рассказ Ваш «Старый члан» начинается с описания грозового утра, которое набо, дают пассажиры остановившегося в пути поезда. «Наташа всматривалась в окна. От высокой насыпи до самого горизонта тянулся лес. Над ним, закрывая половину неба, стояла густая туча. Стаи белых птиц металась перед ней, как хлопья одуванчика». По поводу этих белых птиц полупит Наташа, молодой режиссер, спрашивает: — Вы не знаете, что это за птицы? — Не знаю, — ответила Наташа. — Это дикие голуби, — сказал пожилой лесничий в роговых очках и убаюкивая Наташе. — Как же вы не знаете? А еще десятиклассница! Я горюхама, — ответила Наташа и смущалась. Пожилой лесничий должен был бы развести при этом юной героинке, что она видит рдчайшее в природе явление — стаю белых диких голубей, голубей-альбиносов. Ведь даже десятиклассница должна быть известна, что наши обыкновенные дикие голуби (самые распространенные из них — канюхи) имеют свое оперение. Возможно, конечно, что это были не дикие, а домашние голуби, но тогда, выходя, опытный лесничий попал врасплок... Второй пример. В десятом номере журнала «Октябрь» за этот год напечатана Ваша повесть «Бросок на юг», являя по счету из автобиографического цикла «Повесть о жизни». В этой занимательной, как всегда изобилующей меткими наблюдениями и яркими лирическими признаниями и размышлениями рассказе, повествование приводит к цитате из Лермонтова: «Студеный ключ, вврав по оврагу, погружая живью в какой-то смутный сон, лепечет мне таинственную сагу про мирный край, откуда мчитесь вы». Лепечет мне таинственную сагу Про мирный край, откуда мчитесь вы... Казалось бы, ничего не было проще: взять с полки томик Лермонтова и проверить цитату из заученного еще на школьной скамье стихотворения... Вы, дорогой Константин Георгиевич, сочли это излишним. Я, однако, не поддала бы этого разговора, если бы дело ограничивалось так называемыми досадными недосмотрами. К сожалению, небрежность Ваша в изложении фактов, в освещении событий и в характеристиках людей приводит иногда и к гораздо более озорчатым последствиям.

любовь благородна и действительна, поэтому она и может увести беспешально Павлаке от плясок и гулянок к настоящей, честной жизни. Можно было бы осудить автора, заставившего Василицу, мать, возрослого сына, отказаться от любимого. Но, мне кажется, драматург и здесь прав: характере его героини абсолютная честность и мужественная правдивость, во велевающие прямо смотреть в лицо жизни. Счастье, купленное ценою сгвозра с собственной совестью, было бы для нее невозможным, «неправильным» и потому — невозможным. А разве это не подлинное проявление нашей морали? Произведение Друцэ кажется мне глубоко национальным. Образ «Каса маре» — «большой» юматя, горничная, светлячки в доме молдавского крестьянина выступают лейтмотивом действия. Образ глубоко символический — он символизирует душевную чистоту и «убранство», святая святых человека. Но это не мелкое, чистоплюйное, эгоистическое душевное благоустройство мещанина, которым некогда похвалялась Кукушкина из «Доходного места» Островского: «У меня чистота, у меня порядочность... Это — красота большой души, откуда щедро исходят свет и тепло. Подобно тому, как у Корнейчука дело юлось не в плахтах, вышитых сорочках,

Да, связь украин-ских писателей с сегодняшней жизнью народа крепнут и расширяются, и это определяет ныне весь процесс. А слабости и даже неудачи в тех или иных направлениях, посвященных делам и людям нашего времени? Их еще много, и нет возможности в этой статье подробно их рассматривать. Несомненно, однако, ведь отдельных литераторов, будто бы количественно можно «превозмогать» качеством (речь идет о тех поверхностно-отражательных произведениях, которые — по давнишнему остроумно выражению И. Миникевича — лишь «замазывают» поставленную в них актуальную тему, как это получается с шарман на бильярдном столе у неопытного игрока). Недостатки мастерства, в частности чисто пространственной и внешней «многоплановости» отдельных больших романов, Невысокая подчас степень того чудесного «эпизодического», при котором личность автора как бы устремляется «навстречу» личности героя, — об этом хорошо недавно писал в «Литературной газете» М. Аузов. А самое главное — недостаточно глубокая и продуманная у иных авторов концепция современной действительности, поверхностное восприятие тех огромных перемен, которые происходят сегодня вокруг нас и во всем мире, а отсюда — слабость и робость там, где требовались бы большие, емкие художественные обобщения.

И вместе с тем — при всех названных и не названных тут недостатках — неоспоримо то большое движение, которое уже проделано писателями Украины в смысле овладения современной темой. Без преувеличения можно сказать, что в этом отношении украинская литература сегодня выходит на такой хороший и большой «стремление», на котором она еще не была ни в послевоенные, ни даже (если иметь в виду прозу) в предвоенные годы.



— Не бывает тундры без оленей! — говорили деды. Ну, а вынки не представляют себе тундру без самолета. И правильно делают. Взять, например, вот этого пилота: сколько раз, хотя бы за минувшее лето, прочертил он своей стальной птицей якутское небо... В далекий заполярный поселок прибыла почта.

Открытое письмо К. Г. Паустовскому

МАСМАС РЫЛЬСКИЙ

Дорогой Константин Георгиевич! Я всегда любил и люблю Вас, как человека отзывчивого, тонкого, мягкого, чистого и прямого в отношениях к людям. Любил и люблю я Ваше творчество — творчество писателя со своим характерным почерком, наблюдательного, смеялого, острого и вместе с тем задумчивого. Я разделяю и разделяю с Вами любовь к прекрасному человеческому, к красоте родной природы. Но меня не раз удивляло и огорчало то, что, полагая на свою в самом деле замечательную, но не всегда точную память, Вы подчас небрежно обращаетесь с именами, фактами, цитатами. В своих повестях и рассказах биографического и автобиографического характера. Вы иногда допускаете изменения истин, которые ничто общество не имеет с творческим домыслом. Встречаются у Вас, к сожалению, промахи, прямо говорящие о недоумии.

Да, избалованный пример. Рассказ Ваш «Старый члан» начинается с описания грозового утра, которое набо, дают пассажиры остановившегося в пути поезда. «Наташа всматривалась в окна. От высокой насыпи до самого горизонта тянулся лес. Над ним, закрывая половину неба, стояла густая туча. Стаи белых птиц металась перед ней, как хлопья одуванчика». По поводу этих белых птиц полупит Наташа, молодой режиссер, спрашивает: — Вы не знаете, что это за птицы? — Не знаю, — ответила Наташа. — Это дикие голуби, — сказал пожилой лесничий в роговых очках и убаюкивая Наташе. — Как же вы не знаете? А еще десятиклассница! Я горюхама, — ответила Наташа и смущалась.

Пожилой лесничий должен был бы развести при этом юной героинке, что она видит рдчайшее в природе явление — стаю белых диких голубей, голубей-альбиносов. Ведь даже десятиклассница должна быть известна, что наши обыкновенные дикие голуби (самые распространенные из них — канюхи) имеют свое оперение. Возможно, конечно, что это были не дикие, а домашние голуби, но тогда, выходя, опытный лесничий попал врасплок... Второй пример. В десятом номере журнала «Октябрь» за этот год напечатана Ваша повесть «Бросок на юг», являя по счету из автобиографического цикла «Повесть о жизни». В этой занимательной, как всегда изобилующей меткими наблюдениями и яркими лирическими признаниями и размышлениями рассказе, повествование приводит к цитате из Лермонтова: «Студеный ключ, вврав по оврагу, погружая живью в какой-то смутный сон, лепечет мне таинственную сагу про мирный край, откуда мчитесь вы». Лепечет мне таинственную сагу Про мирный край, откуда мчитесь вы... Казалось бы, ничего не было проще: взять с полки томик Лермонтова и проверить цитату из заученного еще на школьной скамье стихотворения... Вы, дорогой Константин Георгиевич, сочли это излишним. Я, однако, не поддала бы этого разговора, если бы дело ограничивалось так называемыми досадными недосмотрами. К сожалению, небрежность Ваша в изложении фактов, в освещении событий и в характеристиках людей приводит иногда и к гораздо более озорчатым последствиям.

бывали такие драмы, как «Савва Чалый», «Гандя», «Бондарив», «Карпенко-Карго», «Богдан Хмельницкий» Старикого... Неужели так-таки ничего, кроме гопака. Вы не заметили в этих пьесах? Впрочем, в книге «Далекие годы» автор называет вещи, которые он на заре своей жизни видел в украинском театре: «Натака Полтава», «Запорожец за Дунаем» и «Шельменко-денщик». Ни в «Натаке», ни в «Шельменко-денщике» никаких «гайдамак» совсем нет, да и содержание «Запорожеца» вряд ли можно считать только к гопаку...

На той же 696-й странице «Начала неведомого века» (цитирую по изданию «Константин Паустовский. Собрание сочинений в шести томах», том третий), откуда являю этот чудовищный абзац о «гайдамаках» и «театре Саксаганского», читаем: «В детстве мы одно время жили в Киеве в доме с другом детства Паустовского, украинским художником Пимоненко. Престарелый отец человека работал у себя в мастерской только по вечерам. С непостижимой быстротой и небрежностью он мазал всею красочными красками, вышивал сапожки, малявы, подсолнухи и девчачьи ленточки до головы до пят. Потом мазал в обратном порядке — сначала девчачьи ленточки, малявы, вышивал сапожки и хати. И так бесконечно. Он трудился в поте лица («с непостижимой небрежностью» — М. Р.), создавая открыточные, сапожки, как мед, Украиню. Даже нам, детям, и то пейзажи Пимоненко нравились оскоминам.

Петяурю пытался возродить эту слащавую Украиню. Но ничего из этого, конечно, не вышло. Я уже оставил в стороне более чем странную оценку исторической роли Петяурю. Этот лютий враг трудового народа, выходящий всего-навсего хотел воскресить «слащавую», «открыточную» Украиню! Но возвращаясь к Пимоненко, «Начало неведомого века» написано в 1956 году, том «Собрания» Ваших сочинений, которым я пользуюсь, датирован 1957-м. Быть может, автор не был в состоянии познать, как обстояли дела с Пимоненко («на русском языке»), принадлежавшей перу Я. П. Затецкого, уже вышедшей к этому времени. Но ведь все та же «Большая Советская Энциклопедия», где, кстати, помещено несколько репродукций работ Пимоненко, в том числе одна — во всю страницу — цветная (роскошную, которую позволяет себе «БСЭ» по отношению далеко не ко всем художникам!), «Энциклопедия», называющая Пимоненко «видным украинским живописцем-реалистом», могла бы внушить автору спасительную мысль критически пересмотреть свои детские впечатления! В статье «Энциклопедия», между прочим, сказано, что это «воспеватель Украины» — в течение многих лет был связан узами дружбы с И. Е. Репниным. А в книге «Российско-украинский исторический словарь» (Киев, 1955) можно прочитать, что великий русский художник давал несколько уроков, чем Вы, Константин Георгиевич, оценку «воспевателя Украины» (слова, явно итак же взятые Вами в кавычки). В день 25-летнего юбилея Пимоненко, в 1910 году, Репин прислал ему телеграмму: «Здравствуйте, живо изобразитель Украины, слава Вам, Илья Репин».

Не очень осмотнительные мысли высказаны Вами и об украинском языке: «Петяурю привез с собой так называемый галицкий язык — довольно тяжеловесный и полный заимствований из соседних языков. И блестящий, действительно жемчужный, как зубы залорных молодых, острый, поющий, народный язык Украины отступил перед новым пришельцем в далекие шевченковские хаты и в тихие деревенские лаванды». Минюя некоторые свое смущение по поводу термина «шевченковский хаты», вероятно себе заметить, что на «тяжеловесном галицком языке» (разумеется, лингвистика такого языка не знает) писал, в силу исторических обстоятельств, Иван Франко и Василь Стефаник. Что же касается украинского языка вообще, то только автору «Повести о жизни» знать только язык «залорных молодых» — очевидно, киевских молодых — и оставаться без внимания, что это язык великого народа, язык чудесной литературы, представленной до Октября именами Колгровского, Квятки, Шевченко, Марко Вовчка, Панаса Мирного, Леси Украинки, Кобилянко, язык замечательных народных дум и песен, вызывавших восхищение Пушкина, Гоголя, Добролюбова, Горького, Луначарского...

Все это очень грустно, дорогой Константин Георгиевич. Ведь я знаю, с какой любовью писали Вы биографическую повесть о Тарасе Шевченко. Я знаю, что у Вас немало друзей среди советских украинских писателей. К ним я всегда причислял и себя. Зачем же Вы позволили себе, основываясь исключительно на языковых воспоминаниях детства и «туманной юности» высказывать и делаться украинской культурой и о языке украинского народа, которые иначе, как оскорбление, не могут быть восприняты?

К 200-летию со дня рождения выдающегося русского зоолога А. Воронихина



Восстановление воронихинского «Фондрина». Павловск. Рисунок Н. Захаржевского



Горный институт в Ленинграде. Построен в 1806-1811 годах по проекту архитектора А. Воронихина. Рисунок Б. Надежина

О ТОВАРИЩЕ ПО ИСКУССТВУ

ГОРЬКИЙ призывал Чехова, что «Дядя Ваня» заставлял думать о «коренном и важном», ибо чеховская драматургия поднимает человека «от реальности до философских обобщений». Эти горьковские слова сопутствовали мне в работе над «Дядей Ваней», они выражают и мои представления современной драматургии, мои актерские мечты. Бытован, заурядность, общедневность характеров, всученная иллюстративность кажутся мне скучными, мало плодотворными для нашего искусства. Недавно в журнале «Дружба народов» за май месяц я встретил пьесу молдавского писателя Иона Друцэ «Каса маре». Читая пьесу, я пожелал, ибо она близка моей творческой мечте и сценическим устремлениям. Близка по подлинной современности образов, высоким этическим пафосом, самой ав-

торской манерой, полнотой юмора и доброй улыбкой, и, наконец, прекрасным выразительным языком. Могут спросить: в чем же эта современность пьесы Друцэ, если речь здесь идет о «вечной», общечеловеческой теме любви между людьми разного возраста? Ведь это уже было, встречалось и прежде в литературе и на театре... Но в «Каса маре» «вечная» тема осмысливается по-современному, современным советским писателем. Это осмысление и есть то, что придает горьковским словам, «коренное и важное», что составляет притягательную силу пьесы Друцэ. Пьеса Иона Друцэ не столько драма большой любви, сколько рассказ о преодолении человеческой личности и ее современным пониманием жизни «во советском». В героине пьесы колхознице Василице воплощены прекрасные черты человека нового общества. Василицу судит чужие и свои поступки единой высокой мерой. Совет для нее — основа жизни и основа любви. Такая

Поруганная слава Греции

ДВАДЦАТЬ лет назад, 28 октября 1940 года, на вершинах гор Пиндоса раздался гром ружей: грекский народ отдал гордые «охи!» (нет!) вторгшимся в страну фашистским аггрессорам. Пусть все население Греции было меньше «восьми миллионов штыков», которыми хвастливо угрожал ей «дуче». Пусть ее оставили без оружия и в течение четырех лет пыталась морально обезоружить жестокая диктатура генерала Метаксаса. И пусть уже целый год карта Европы была обезображена расправлявшимися черными пятнами гитлеризма — Греция встала на борьбу.

Греchesкие «охи» сорвали планы Гитлера, дали союзникам время подготовиться к будущим сражениям, доказали, что мужество свободной воле народа сильнее стали и огня порабощителей.

Только после шестимесячной кровопролитной борьбы оккупанты смогли вынести над Акрополем свою тряску со свастикой. Но не прошло и пяти недель, как 31 мая эта свастика была разорвана в клочья 19-летним юношей Манолисом Глезоном. Началось четырехлетнее национальное сопротивление безоружного народа против вооруженных до зубов захватчиков.

В черную ночь фашистской оккупации мы слушали в подполье призывы союзников: «Бейте врагов! Уничтожайте средства сообщения! Отвлекайте войска нацистов от других фронтов! Бейте их днем и ночью!» И мы, солдаты Сопротивления, выполняли эти призывы, не считая жертв. Только в мае 1944 года гитлеровцы распустили в одной из лагерей Хайдары 700 патриотов. Светлая кровь героев до того наполнила нашу землю, что казалось, в одно прекрасное утро должна завестись алхими розами даже колючая проволока, опутывающая страну. С гордостью патриоты слушали 15 октября 1943 года «Голос Америки»: «ЭАМ (Национально-освободительный фронт)... это единственная организация, героически сопротивляющаяся оккупантам. ЭАМ — это настоящее и будущее нации».

Однако впоследствии оказалось, что империалисты говорят одно, а делают другое. Вот только некоторые из их «дел». Глава английской военной миссии при штабе греческой Народно-освободительной армии (ЭЛАС) английский офицер Эдди писал в августе 1943 года наводившему английских войск на Срединном Востоке: «Согласно вашему последнему секретному приказу, я дал инструкции английским и греческим агентам, работающим в моем подчинении, подрывать деятельность ЭЛАС и ЭАМ. Придет время, когда надо будет ликвидировать ЭЛАС... Было бы полезно, если бы наши агенты связались с представителями правительства (имеется в виду княвлинговское «правительство» в Афинах. — П. А.), то есть с высшими офицерами, полицейскими и т. д., с целью внушить им, что их долг и их право выдать руководителю ЭАМ и ЭЛАС оккупационным властям... с тем, чтобы, когда наступит время, эти организации не смогли бы повредить английским интересам...»

Вера в идеалы союзников, мы до последнего дыхания боролись с гитлеровцами. И вот однажды утром, 12 октября 1944 года, мы увидели над колючей проволокой альбы розы и знамена — придет час нашей победы! А несколько недель спустя нас поспешили «освободить» союзники. В декабре 1944 года британские войска были сняты с фронта, чтобы в течение 33 дней сражаться на улицах Афин с греческими патриотами.

С этой вооруженной империалистической интервенции начинается трагедия современной Греции, длящаяся уже 16 лет. День «охи» знаменует греческого Сопротивления Манолис Глезонос встретил за решеткой. Дважды его приговаривали к смертной казни. 8 лет продержали в тюрьме и после нового постыдного «суда» держат уже два года в заключении. Кроме Манолиса, еще три тысячи патриотов томится в тюрьмах.

История любого из них — трагедия. «В феврале 1944 года я вместе с другими патриотами стоял у стены перед дулами немецких автоматов», — пишет К. Гоуляс. — И остался жив лишь потому, что немцы после расстрела нас не успели закопать. Другие патриоты, найдя нас и обнаружив во нас признаки жизни, отдали меня от мертвых и полагались обо мне. У меня две тяжелые раны — одна на лице, другая, на вылет, — в груди». И этого героя, однажды

ПОНАЧАЛУ ни что не предавало кровавой развязки.

Лодани — один из больших остроданных, чутко припророщенный снегом, Даниел посреди зимнего года. Градусы весна — весна 1945 года — несла народ Европы свободу от фашистского ига, завоеванную в кровавой борьбе, но на Лодани, в городишке Хасби, за годы войны и оккупации не прозвучал еще ни один выстрел справедливости и возмездия. Застенчивая и пуговичная черная пальто, невозмутимый доктор Сёренсен отправлялся врачевать страдающего астмой немецкого команданта Альбаха; местные танцоры с немецкими солдатами, тоска по украденной свободе грызла сердца мужчин и женщин.

Хорошо известно, что народ Дании не встал на колени. И на Лодани действовала группа Сопротивления — она выпускала листовки, отправляла в Ютландию и Зеландию оружие, доставленное из Англии, а порой решалась и на дерзкие демонстрации. Но дело не доходило до крови. — волны гнева, словно о каменных мол, разбивались о терпимость команданта Альбаха.

Доктор Сёренсен все глубже уходил в болото соглашательства. Определить свое место в борьбе? Зачем? Это не наша война, думал Сёренсен. Немецкий солдат для меня только человек, такой же, как любой датчанин. Я врач Альбаха, но не откажу в помощи и английскому парашютисту, повредившему ногу при ночном приземлении на Лодани. Я — над сваткой. Я член общества Гуманных и Ненавидящих расизма. Лето, кто вооружается под покровом ночи, строит беззастенчивые планы борьбы (а среди них были и брат доктора Сёренсена, Эрнх, и мест-

Поэт простых людей Канады



Исполнилось семьдесят лет старейшему рабочему поэту Канады Джо Уоллесу, гостящему сейчас в Москве. На днях в Центральном Доме литераторов состоялось торжественное мероприятие. Среди присутствующих были: С. С. Славинский, Б. Полевой, А. Мартынов, А. Чаковский тепло приветствовали давнего и искреннего друга Советского Союза, поэта-революционера и стиховедца Д. Уоллеса. Уоллес — человек идей и братства между народами. М. Зенкевич, И. Рагзоворов, В. Рубин прочитали свои переводы стихов Джо Уоллеса.

Отвечая на приветствия советских друзей, Джо Уоллес сказал, что истинный поэт не должен замыкаться в соролупе своих узких личных интересов. Он должен жить интересами своего народа, делая для него свое дело. Уоллес — поэт-революционер, — продолжал он, — что у него не было острова, произошло кораблекрушение и корабль идет ко дну. Чем же в это время должен заниматься поэт, если он не занимается среди потопивших кораблекрушение? Уоллес ответил, что поэт должен полностью отдаться делу, которым занят, и оставаться в нем.

Джо УОЛЛЕС

ПРАЗДНИЧНАЯ ПЕСНЯ В ЯЛТЕ

Я слышал, как люди пели,
Когда смолкли станики и моторы,
О надежде высокой, как утро,
Сердца их прочнее, чем горы,
Омытые солнцем горы.

Я думаю, в этих веснях
Все слова мне знакомы и звуки,
Ведь люди пели так дружно,
В их руках — красота и свобода,
Их первыми взяли их в руки.

Я слышал, как люди пели,
Их песни и небу летели,
Люди пели о чем-то близком,
И звезды им отвечали,
Им отвечали — звезды.

ДВА КИТАЯ

Девочке десять лет,
На руках у нее мотозлы.
На девочку смотрит хозяин отца —
Скотская похоть во взоре.
В страхе она убегает к отцу,
Но чем он ей может помочь?
Слезки текут у отца по лицу,
Отец не глядит на дочь.

Этот Китай они уносят,
Этот Китай они уносят,
Голод, болезни и свист бича.
И девочка в лапах у богача.

Девочка держит тетрадь
Деревино, словно плечу,
К свету порога ведет
Девочку-ученицу.

Ей знакомы все летские радости
И только ребячьих тревог...
Девятьсот миллионов с нею идут
По широкой большой дороге.

Этот Китай они презирают,
Этот Китай они отрицают.
Их ложь сомнение, их Даллес
увлет:

Хотя и в гробу он, да кто его знает?

ПРО ТЕБЯ

Говорят про тебя — хочешь верь
и не верь, —
Что была ты мной, не такой, как
теперь.

Ветер времени рвал за листочком
листочком,
Жизнь впрохла суховедем забот и
тревог.

Подтверждают вполне правоту этих
слов
Календарь и упрямые стрелки часов.
Говорят... Только кто из них видел
хоть раз
То, что вижу лишь я в глубине твоих
глаз?

Визжу: наша любовь, как расцвет,
нацвет,
Удивительный мир, где девочка
живет!

КОТОРЫЙ ЧАС

Скажите, Джо, который час?
— Боюсь, что поделу я вас:
Мои часы чуть-чуть вперед,
Язык же стар и отстает.

Трех аршин, полагаю, хватят вполне,
Когда я отойду в забавление,
Но покида я жив, полагается мне
Вся земля и все небо — не менее!
Нет, не лезьте в карман,
не такой я смиренный,
Чтоб позволить украсть свою долю
вселенной.

Перевел с английского
И. РАГЗОВОРОВ

ВРЕМЯ ВЫБОРА

Александр ВОРЦАГОВСКИЙ

ный учитель, и механик, и десятки других жителей Хасби, не ведают, кто творит, и да простит им господь бог, ведь и мы только люди...

Но так или иначе, жизнь, что и доктору Сёренсену пришлось выбрать свою «баррикаду». Стоило обобраться положению, и с Альбаха словно дуло его «гуманности», и вот перед Сёренсеном — типичный нацистский офицер, хладнокровный охотник за людьми. Но однажды понял все до конца, доктор занял свое место в борьбе. Он отправился с группой Сопротивления на боевую операцию и, столкнувшись в ночном бою с Альбахом, убит своего недавнего собеседника и пациента...

Я коротко рассказал сюжет нового датского фильма «Последняя зима». Это кинематографический дебют режиссера Эдвина Тимрота. Начинать свой путь в кинематографе, с тонким юмором зрительского образа да не помню...

Хороший, достоверный фильм трудно датчан, для которых оккупация не так уж далека, чтобы отнестись к ней с чуждой, как сказать, академической историей. Знаменательно другое: послышався словно вдох облегчения — наконец-то! Наконец-то появилось настоящее произведение искусства об этом трагическом и героическом отрезке датской истории. Копенгагенская газета «Политикен», рецензируя «Последнюю зиму», пишет: «Наконец-то у нас появился фильм о периоде немецкой оккупации Дании. Пятнадцать лет пришлось прожить нам, прежде чем удалось достичь этой цели... Наши писатели до сих пор в долгу у нас — они все еще не написали романы о годах оккупации».

Все это так, и все гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд. И не специалист по датской литературе, но только что имел приятную возможность встречаться с некоторыми писателями Дании, с людьми, чьим мужеством и талантом страна вправе гордиться. И я знаю — такие книги уже написаны, пройдут считанные недели, типографские машины закончат свою работу и книги придут и прилавкам. Но сделать ли завтра правильный выбор даже те газеты, которые сегодня хвалят «Последнюю зиму»? Много ли найдется книжных прилавков, готовых рекомендовать читателю мужественную и до конца честную книгу о днях фашистской оккупации Дании? Даже «Последняя зима» при всем своем достоинстве, не предусматривая оставить в покое «коллаборационистов» и датских княвлингов. Подальше от греха! Ведь люди этого толка сегодня сильны, они влияют на политическую жизнь страны. Они отлично знают истинное лицо команданта Альбаха, но как и прежде, полагают, что с ним всегда можно будет столкнуться. Об этих господах не стоило бы и говорить — они давно сделали свой выбор.

Я ПРОЖИЛ в Дании недолго. Датская осень была очень благосклонна; друзья в Копенгагене, в Орхусе, в Оденсе, в рыбацких гаванях Ютландии говорили, поглядывая на небо, что в эту пору обычно хлещут дожди и бесцеремонный морской ветер атакует берег. Мне кажется, что Копенгаген нельзя не полюбить и в хмурую погоду, не увидеть его жилой улыбкой даже сквозь тяжелую завесу дождя. В солнечные же дни каньонная сила поднимает вас еще на солнце, — так и не успев я с вечера, площадь, призывы, улицы Копенгагена дружно шумят с вас эту установку. Но как ни занимали меня улицы Копенгагена, тропные рымущем зарии, или камин Роскильда и Кронборга, или потерянные дорожные чемоданы великого сказочника Андерсена, глазами были живые люди — рыбаки, только что вернувшиеся в свои гавани, токарки и сборщики судовых моторов с «Трено-мотор», вязальщицы сетей, краповички, рабочие рыбных аукционов, билетные кассирши, юные и седоголовые чиновники, с равной силой с живыми достоинствами, — все это на своих вышивках, в бесплодных, библиотечниках, профессора, писатели и несты им числа.

И чем дальше я вглядывался в людей, тем отчетливее я понимал острую актуальность фильма Тимрота, Доктор Сёренсен — фигура, которую не забуду.



Кадр из датского кинофильма «Последняя зима».

В Дании делается очень многое для того, чтобы Сёренсену, как грибы после хорошего дождя, — сполнобные, отделившиеся от страдающего мира тяжелой, сытой шляпкой, неподвижные до поры до времени на своей лужайке. Им снова внушается мысль, что питомцы, бушующие в мире, — это чужие штурмовики, как будто условные линии меридианов и параллелей на самом деле цинкоплатиновые барьеры, отделяющие Данию от остального мира, что братья народов Африки, Азии или стран Карибского моря — не их борьба.

Но такая задача не из легких, — это нужно сказать со всем действительным уважением и народом Дании. Я видел сотни людей, чей жадный и незамысловатый предвзятый интерес к нашей стране не удовлетворяется и в малой степени. И число этих людей растет, укрепляется их убежденность в том, что каждый честный человек должен сделать свой решающий выбор между миром и войной. Неумолимые обстоятельства войны подтолкнули доктора Сёренсена к выбору — теперь никуда не деться, по крайней мере в Европе, — но это не повод для самообольщения. Ведь будущая война, — если преступление разужает ее, — философически не оставит времени для выборочной.

В одном из кинотеатров Копенгагена между рекламной и заурядной лентой показан короткий фильм о Франсиско Годе, точнее о его гениальной серии «Бедствия войны». Меня поразила эта короткая «кинносимфония», искусные переходы объектива от одной детали офорты к другой, нарастающее звучание, гнева и героической темы. Но еще больше поразило меня, как смотрели фильм копенгагенцы — серьезно, взволнованно, целиком отдавшись иллюзиям. Неистовство и скорбь Годе не были чужды им. Они не отворачивались от ужасов войны (как это порой делают иные дельцы и политиканы) с гримасой отвращения и скептицизма ах, опять о войне! опять о смерти ах, опять о войне! опять о смерти ах, опять о войне! охотно смакующие на первых страницах газет патологические убийства, страданиям чувствительными, когда речь заходит о миллионах смертей, которые не должны быть забыты во имя того, чтобы мир не испытал нового уничтожения.

Простым датчанам чужда эта скептическая гримаса. Ненависть многих из них к фашизму — живая и неотъемлемая память — привилегия политиков, а не народов. Они, дорожащие домом, семьей, а порой и достигнутым благополучием, не склонны закрывать глаза на то, что тревожит и весь остальной мир. Они с трепетом поглядывают на юг, в сторону Кильского канала, откуда уже протягиваются щупальца возрождающегося германского милитаризма: ему нужны полигоны, площадки, склады.

Одно из моих самых сильных впечатлений — знакомство с мастером рыбного аукциона С. Мёллер-Передерсен в городе Гренсе. У него благоуханный и богатый дом, большая семья, зарплата, который обесмертил Шенклер в «Гамлете». Пришло «голосование» на дороге, и вскоре спаситель нашлся — датский солдат с невестой на такой древней машине, что казалось непонятно, почему она не разваливается на первом повороте. Мы остановились перед взездом в замок и отправились внутрь, в закрытый наемный двор, где по традиции крупнейшие актеры мира из года в год разыгрывают трагедию Шенклера. У солдата из кармана штанов свисал кончик старого клеенчатого сантиметра. Я спросил, не в полнотой ли ливальте он служит? Он рассмеялся и вытаскил кусок клеенчатой ленты длиной всего лишь в 25 сантиметров. Оказывался, ему осталось служить всего 25 дней. День долой, и он отстригает поиничем один сантиметр! Я подумал было, что все его нетерпение связано со скорой свадьбой, но тут на камешных плитах двора показало еще двое солдат, и они громко приветствовали нас. Ой шенклер мне: «мой коллега», — а коллега дружно выхватили из карманов такие же обрышки клеенчатых сантиметров.

Здоровые, крепкие парни, совсем как те, кто проводил боевую операцию против лейтенанта Альбаха на Лодани. Но тогда они знали, за что дерутся, а что теперь? Поскорее бы покончить с казарменной идиотией и бросить последний сантиметр клеенки в зеленую воду канализации.

Фильм «Баллада о солдате» Григория Чухрая имел шумный успех в Копенгагене. Надо было находить в зале кинотеатра «Александра» на премьеру «Баллады о солдате», чтобы понять, как много может сделать искусство для сближения народов. Вволювшийся зал плакал, пролезли и сдержанные парламентарии, и дипломаты, люди, считающие притворство признаком высокого профессионализма.

Газеты печатали слова похвалы. И солидные утренние газеты, и более всяк толкует «Балладу о солдате» по-своему, иные писали даже, что это фильм добрых фашистских традиций, протест против всякой войны, справедлива она или несправедлива.

Но рецензентские критикоты не спешком влияют на умы людей, а мы видели этих людей, простых датчан, и в зале «Александра» на «Балладу о солдате», и в «Сметна» на «Последней зиме» Эдвина Тимрота. Глаза их горели сочувствием к честным бойцам против фашизма, против лейтенанта альбаха, против фашистского лицемерия и лжи, и, конечно же, против войны.

Правдивое искусство помогает людям сделать свой выбор и сказать «нет» войне, какому бы искусством ни был маскаринный костюм. Показывая живую пропаганду, вопреки всем ушам правды, все больше сползает с глаз простых датчан, с каждым плодотворным усилием сторонников мира. Ведь время не терпит. Именно наши дни — это время решающего выбора.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 129 29 октября 1960 г. 5

В кривом зеркале «британского воображения»

Литературное приложение к «Таймс» — одной из самых старых и консервативных газет Англии — имеет, как и сама «добрая старая Англия», стойкие традиции, ревниво хранящие редакцию. Одна из таких традиций — в специальном, обычно сентябрьском, выпуске подводить итоги литературного года, давая прогнозы на будущий год.

Пухлый немец «Временной» вышедший в сентябре 1960 года, носит интригующее название: «Британское воображение». Он попал в руки читателей в те дни, когда все человечество с волнением и надеждой ждало открытия сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Однако, просматривая страничку за страничкой, статьи о поэзии и критике, музыке и балете, радио и телевидении (даже о судьбе женского образа в литературе и искусстве), не ощущаешь дыхания современности. «Британское воображение», если о нем судить по литературному приложению к «Таймс», поражает своей бескрылостью ограниченностью. Можно было бы упрекнуть авторов и составителей специального выпуска даже в патологической близорукости, если бы во многих статьях не угадывалась совершенно сознательная игра в прятки с читателем, если бы не бросались в глаза грубые тенденциозности. Мимо не пройдут, уж слишком вопиющих, проявлений этой тенденциозности невозможно пройти. Они требуют спора, хотя спорить приходится с неизвестным: помещаемые в «Приложении» статьи никогда не подписываются. Анонимность, утверждает редакция, обеспечивает якобы «дух объективности».

Посмотрим, как выразился «дух объективности» в одной из программных статей номера, — она посвящена современному английскому роману и озаглавлена «Мир труда, в который никогда не входят романтизм».

Уже много лет консервативная критика серьезно озабочена тем, что буржуазные писатели, вращающиеся в камерном кругу «интеллектуальных» тем, все дальше отходят от жизни и интересов широкого

стих людей своей страны в быту и труде, но показывающие нелегкую борьбу рабочего класса в условиях послевоенной Англии.

Эта критика даже твердит о тупине, в которой, по ее убеждению, зашла вся литература и, в особенности, такой жанр, как роман. Заявляя об этом и выходящая статья, в которой раз за разом повторяется критика, находящая в особенно резком противоречии с действительностью и сетования на кризис, охвативший якобы всю английскую прозу, обличены в особенно хитроумную демографическую форму.

«Таймс» и его литературное приложение никогда не отличались симпатиями к передовым писателям своей страны. Меньше всего они когда-либо проявляли заботу о правдивом отражении тех условий, в которых живет и борется английский народ. В данном же случае автор статьи хочет доказать упадок английской прозы... оторванности всех британских прозаиков от народа и его жизни («мира труда»), отсутствием у них общественных интересов. Поистине покаянный для критики из «Таймс» урок зрелища.

Словно упер автор начинает жалобами на узость воображения и ограниченность английских писателей, которые «никогда даже не пытались изобразить человека в процессе его производственной деятельности». Это верно, утверждает он, в отношении Диккенса и Теккерея, Харди и Уэлса в той же мере, как и любого другого прозаика вплоть до сегодняшнего дня.

Нет надобности, нам думать, спорить с автором статьи по поводу классиков. Едва ли нужно доказывать нелепость его заявлений о Диккенсе, Харди, Уэлсе. Иное дело — литература наших дней.

Те прозаики, утверждает далее критик, которые по своему происхождению относятся к рабочему классу, стареют, становясь литераторами, как можно скорее порвать связь с той средой, из которой они вышли. В лучшем случае, они используют свои юношеские наблюдения как материал для сентиментальных воспоминаний. И это пишет англичанин, в стране которого издаются книги Джека Линдсея и Шона О'Кейси, Дэвида Лэмберта и Герберта Смита, не только рисующие про-

Не удивительно, что доказательством оторванности писателей от сегодняшней для жизни, по мнению критика, служат произведения английских писателей, которые рисуют «жизнь детства и мир фантазии». Среди многих писателей, которых критик презирает это обличение, мы находим даже престарелую Комптоун-Бернет, признающуюся в неадекватности 1910-м годам. Не будем спорить с автором статьи в отношении этих представителей британской прозы. Посмотрим, в каком свете выступают перед читателем крупнейшие представители современного английского романа.

«Дума выходящими достижениями в области художественной литературы за последние несколько лет», — пишет критик, — были... циклы романов, связанные с именами Ч. П. Сноу и Энтони Поуэлла. Имя одного из наиболее замечательных прозаиков Англии, писателя-реалиста, трудящегося над созданием эпопеи английской жизни от первой мировой войны и до нашего времени, критик связывает с именем автора серии романов «Музыка времени», ограничивая себя наблюдением узкой сферы жизни привилегированных классов британского общества.

Впрочем, критик сам спешит раскрыть свое отношение к творчеству Сноу. Отдельными замечаниями и оговорками он снижает значение серии романов «Жизнь и братья», то утверждая, что замысел ее едва ли дойдет до читателя, то заявляя, что основное значение ее сводится к «любовному выпячиванию портретов государственных чиновников».

Роман Сноу «Новые люди», ставящий одну из серьезных проблем нашего времени — проблему отношения честного интеллигента к исключительно атомной энергии в целях использования людей, упоминается лишь мимоходом. Последний роман Сноу «Дельта», показывающий трагический фарс изложения под ложным предлогом из научной среды человека, стоящего близко к коммунистической партии, преподносится как одно из лучших профессиональных произведений Сноу-ученого.

И такой подход к творчеству крупнейшего прозаика современности на языке критиков из «Таймс» называется «объективностью». Хороша объективность, которая в кривом зеркале представляет человека, идущего в ногу со временем, ставящего перед собой истинно гуманные, благородные задачи.

«The Times Literary Supplement». Special number devoted to the British imagination. London, September, 1960.

ОН ЗАСЛУЖИЛ БЛАГОДАРНОСТЬ

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ «ВЕТЕРАНЫ»

РОДИНЫ

ГЕОРГИЯ РУСАКОВА — курсанта, будущего офицера Военно-Морского Флота...

«Почему», — спрашивает автор письма, — отняли у человека заслуженную им славу?...

В заключение — еще об одном письме. Оно прислано нам П. Калининским, секретарем партийного бюро той организации, где сейчас работает А. И. Маринеско...

Письмо заканчивается следующими словами: «Мы считаем, что его имя по праву должно быть среди имен героев-ветеранов...»

Почему же так? Потому что в трудной и опасной жизни Маринеско были ошибки — бытовые и служебные...

«Об А. И. Маринеско», — пишет Б. Божухин, — я слышал от одного офицера в 1953 году...

Капитан I ранга В. Полещук во время Великой Отечественной войны командовал подразделением подводных лодок на Балтике...

Скорее сумерки. В простор реку ополкнуло белесое северное небо. Черной стеной встала на берегу тайга...

Этот класс полностью состоял из ребят, которые совсем недавно пришли из дошкольных детских домов...

Мне и самой не раз доводилось наблюдать этих ребятшек. И давно волновал меня вопрос: почему же они такие «необычные»?

«НАСТОЯЩЕЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ЭТО ТО, КОТОРОЕ АВТОР НЕ МОЖЕТ НЕ НАПИСАТЬ...»

К 50-летию со дня смерти Л. Н. ТОЛСТОГО

Недавно редакцию «Литературной газеты» посетила находившаяся в Москве в качестве туриста доктор Григорий Исаакович Альтшуллер...

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

РЕСТАВРИРОВАТЬ ДОМ ДЕКАБРИСТОВ

НА САМОМ берегу реки стоит этот дом...

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«НЕОБЫЧНЫЕ» ДЕТИ

ДОМ РЕБЕНКА. Просторные комнаты. Много воздуха, света...

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»

«Литературная газета» — это журнал, который не может не написать...»